

*Моему дорогому,
чуткому, любимому
лучшему другу — Антону*

Глава 1

ЛЕС И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

В горящих латуню ажурных кронах пели птицы, откуда-то доносились истерические вскрики, словно неподалёку находилась пыточная комната. Человеческие вопли на фоне щебета зарянки с крапивником звучали нелепо и кошунственно, как похоронный марш Шопена на свадьбе.

Я могу проспать и до обеда, если не разбудят. До одиннадцати могу точно. А эти вопли начались едва рассвело, они ещё не стали словами, но уже портили очарование свежего утра. Ковёр сырой зелени и почвы студил разогретое хмелем тело, и пробуждалось мне долго и неохотно. Вчерашняя усталость бесследно исчезла, будто бы просочилась через лопатки куда-то в материнскую породу, а земля словно напоила взамен своей энергией. Но как только я открыл глаза, деревья — толпа стройных великанов — завели хоровод. Вдобавок мучила сухость во рту и желудок отзывался голодным рыком.

Посторонний гам, сложившись из отдельных воплей в чью-то ругань, поменял своё направление, теперь он доносился не от здания университета, а со стороны обветшалой церкви, куда мои ноги как раз указывали. Я приподнял голову — довольно резко — проверить обстановку. Глаза уже привыкли, но голову не стоило так дёргать. Поборов боль, я стал прислушиваться. Что за базар там устроили? Стая теревов токовала бы гармоничнее. Паразиты!

Я уместил голову обратно в смятую влажную траву и сделал глубокий вдох, затем долгий выдох, пока лёгкие не опу-

стели, и в таком состоянии задержал дыхание. Около минуты я лежал, очищаясь, наблюдая кленовые макушки и как их обволакивал туман, приглушая утренний свет, а когда наконец вдохнул, кровь теплом разлилась по рукам и ногам, приятно ударила в голову.

Поражаюсь, как место, наречённое Волчьим кладбищем, может не просто источать жизненную силу, а казаться прекраснейшим в целом свете. Прежде, по легендам, в этом лесу обитали волки-оборотни, которые нападали на людей и скот в окрестных деревнях. Говорят, многие и теперь натыкались на кости жертв. Как начинающий историк, я должен бы отбросить тревожные небылицы и предположить, что на этом месте, вероятнее всего, было древнее поселение племени, чьим тотемным животным был волк, а отзвуки памяти давнего прошлого уже послужили рождению легенд.

Ну да, должен бы. Только я не любитель развесистой клюквы. Тумана в лесу и без неё хватает. И вообще, мне ли не знать правды?

Лес разделяет деревню с университетом, и не удивлюсь, если он ещё до коронации Виктории служил местом встреч студентов с деревенскими юными особами. Итог этих свиданий, как в итонском пристенке¹, — всегда был предопределён. Но стремление выскочить замуж за отпрыска богатого сквайра не угасло и по сей день. Это викторианские студюзысы прозвали лес Волчьим кладбищем. Волчьим, потому что в Древнем Риме волчицами звали падших женщин, а студенты Роданфорда никак латынь изучают. «Кладбище» уже потом родилось. Восемнадцатилетние Мефистофели заманивали глупышек в лес конфетами из воздуха. С восходом их коварный обман вскрывался, и девичьи души гибли вновь и вновь. Опера да и только.

А ещё говорят, в цинизме никакой романтики.

¹ Итонский пристенок (англ. *Eton wall game*) — традиционная игра с мячом, проводящаяся в Итонском колледже, похожа на регби и футбол.

Собравшись, я приподнялся на локтях. То, что открылось взору, меня вполне устроило. Шекспир сказал бы: «Он на полу и пьян от слёз»¹, — и горько бы ошибся. Земляное ложе моё теплее, чем камень под коленями Ромео, а хмель во мне — самый будничный. И сочувствия сердец у нас нет. Я даже имени — её имени — не помню, моё, слава богу, всегда при мне. Даже лица — сейчас его полностью скрывали волосы, длинные, почти как у богини Сиф, но не золотые, а смоляные, как у меня самого. Маленькая ведьмочка. Свернулась в клубок, греясь ладонями и левой щекой о мой живот.

Вот опять, со стороны церкви. Как будто правый и левый клиросы затеяли состязание, кто кого перебранит. Уже в тот миг я понимал: это за нами. Ну и что с того? Я опустил руку в карман, достал сигареты и спички, закурил. Завтракать, подсказывал рассудок, мы сегодня будем без всякого удовольствия.

Слева из-за небольшого усыпанного синеглазым анемоном взгорка лениво поднялась и замаячила в потягивании чья-то фигура. Это Питер, во всей своей красе. Его взгляд был так же устремлён в сторону церкви.

— Похоже, Дарт подсуетился, — сказал он.

Последовал долгий зевок.

— Похоже на то.

— Есть ещё?

Я вновь достал пачку. Питер бодрой рысцой протрусил через вершину холма, взял сигарету.

— Кто она?

— Понятия не имею, — честно сказал я.

— Красивая.

— Ага. Очень.

— Как зовут?

— Джульетта, — сказал я.

— А красиво зовут.

¹ Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

— Ага.

Питер поставил одну ногу на камень, затянулся и произнёс, пуская дым:

— Макс! Ах, это имя — гибель для неё¹...

— Она его не помнит, — перебил я.

Питер покачал головой. Затем склонился над Джульеттой и громко вдохнул раздувшимися, как у лошади, ноздрями. Я нахмурился.

— Иди к чёрту, приятель! Нечего тут нюхать.

— На хмель непохоже... Помнит она тебя. Ещё с мамой познакомит. — Питер снова вдохнул. — Бычий член², конфеты!

— Иди ты!

— Полипы у тебя, что ли? Сам понюхай!

Я склонился над Джульеттой и потянул носом. Приторно пахло ванилью, словно в кондитерской.

— Повезло. Молочный кипень. Мне достался Erasmic³.

— Она бреется? — ухмыльнулся я.

— Как пить дать, у отца одолжила. Непохожа на дорогую штучку. Думаю, на мыло талонов не хватает⁴.

Я мрачно кивнул.

— Что будем делать? — спросил Питер.

— Будить.

Мы докурили и потушили окурки о землю. Питер помчался за бугор к своей спящей красавице. Голоса приближались. Я дотянулся до смятой рубахи. Как только пальцы не досчитались пуговицы на груди, с моего языка слетело горькое проклятие. Невезуха!

¹ Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

² Брань, которую использовал Фальстаф, герой пьесы У. Шекспира «Генрих IV».

³ Британская марка мужского мыла для бритья.

⁴ После Второй мировой войны (1939—1945 гг.) в Великобритании до июля 1954 года сохранялась карточная система.

Я осторожным движением убрал волосы с лица моей нимфы. Великолепна... почти. Как всегда, чего-то пилигриму моему не хватало. Хотя и кожа бледна, и овал прекрасен, и бутон шиповника её губ — розовее не встречал... Чтоб меня!

— Бычий член! Подъём!

Возглас глашатая Питера прозвучал с холма. На его призыв, как зомби, восстали вокруг лесные твари. Из травы, из-за деревьев, земных горбов и камней, приходя в чувство, народ выползал, как растерянные оборотни в туманной чаше.

— Нас засекли!

Поднялся визг. Барышни, кто в чём, повыскакивали и похватили свои тряпки. Как испуганные лани, знающие лазы из чащоб, они небольшим верещащим стадом бросились в сторону деревни. Вслед им полетели свист и пара скабрёзных окриков.

Моя Джульетта просыпаться не хотела, и я посадил её с собой рядом. Голова её тут же прильнула к моей груди. Я аккуратно коснулся ладонью тёплой щеки и приподнял её подбородок. Она открыла глаза, и суровая моя выдержка вмиг пошатнулась.

— Макс Гарфилд, — сказала она уверенно, пока я решал, что делать с только что поразившей меня мыслью.

Через секунду-две, когда отпустило, я сказал:

— Светильник ночи сгорел дотла¹.

— Ты прогоняешь меня? — прозвучало растерянно.

— Я — нет. А они — да.

Джульетта удивлённо глянула в сторону церкви, откуда уже ясно доносились порицания оскорблённых душ. Саму церковь мы не видели — туман застлал всё вокруг, будто не деревья, а вулканы окружили нас, надышав дымом из фумарол².

¹ Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

² Фумарола — трещина, отверстие в склоне или кратере вулкана, источник горячих газов.

— Ты можешь пойти со мной к нам на завтрак, мама будет рада, — сказала мне няяда. — До занятий успеешь.

— Твоя мама меня возненавидит, — сделал я печальное лицо.

Она привстала, оправила подол лёгкого ситцевого платья цвета электрик и смахнула с него клочок травы.

— Если не причешешь лохмы.

С быстротой ласточки она сорвала с моей щеки прилипший лист клёна, за ночь присохший к коже. От внезапной боли я прошипел сквозь зубы. Она хихикнула и залепила по больному месту пощёчину.

— Так быстрее пройдёт. Клин клином.

Я кивнул. Тем более я это заслужил.

— Привет маме!

Надеюсь, не услышала...

Росные травы всколыхнулись. Лесной туман жадно проглотил девичий силуэт. Питер, как вперёдсмотрящий, продолжал наслаждаться видами со своего «воронье-го гнезда». Он пританцовывал и напевал какой-то пошлый мотив. У взгорка, по-мальчишечьи сдабривая истощенным смехом свои небылицы о проведённой ночи, стояли Тео с Гарри, к ним с разных направлений ползли Робин и Джо.

Я подтянулся последним.

— Ты реально так и сказал ей — «у тебя корзинка выпадает»?

Истеричные взрывы смеха летели из пасти Тео вместе со слюной и мерзким запахом.

Гарри — на две головы выше каждого из нас — довольно скалился.

— Я что, говорю, впервые за орхидеями наведываюсь? — сказал он басом. — А она мне — война, мол, мобилизация, тяжёлая работа... А я ей — да просто тебе на десяток годков больше, а то и на два. Рассказываешь мне тут!

— Твою ж мать, от неё несло ещё на танцах. — Тео глянул в мою сторону, но не найдя в моём лице поддержки, убрал широченную улыбку. — Гарфилд, у тебя ещё остались?

Я достал сигареты, хотя мог и придержать. Тео — редкостный геморрой.

— И мне давай, — сказал Гарри.

— За Тео дососёшь. — Я чиркнул спичкой.

Гарри не стал возражать. Такая честь выпала — взять в рот обслюнявленный проректорским сынком окурочок.

С высоты взгорка послышался свист на вступительный мотив Симфонии номер пять Бетховена. Мы взглянули на Питера и тут же услышали скрип ботинок по влажной зелени. Из дымчатой завесы к нам вышли три мрачных силуэта.

— Ave, Caesar, morituri te salutant¹, — произнёс негромко Робин.

Тишина повисла, от неё так давило и гудело в головном кочане, что хотелось уже быстрее со всем этим покончить.

Тео выпятил подбородок:

— Где наш завтрак?

Его тон был привычным — хамским. Не потому, что ни мы, его сверстники, ни девушки с танцев, ни его собственный отец и проректор университета Милек Кочински, стоявший в эту минуту перед ним, не были достойны хоть малой толики уважения. Тео просто не мог быть кем-то, кроме самого себя — конченого выродка, испражнявшегося на весь мир. Когда он играл Ромео в роданфордской постановке, он играл конченого выродка Ромео; в «Макбете» от его героя с души воротило ещё до убийства короля.

Невысокая полноватая фигура Милека Кочински — он стоял посередине — выдвинулась вперёд. Обведя каждого тяжёлым взглядом, Кочински заявил:

¹ «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (лат.) — традиционное обращение римских гладиаторов к императору перед боем.

— Жду вас в главной аудитории через пятнадцать минут. Высокий угрюмый силуэт справа, принадлежавший руководителю нашего факультета мистеру Дарту, обрёл голос:

— Моего кабинета вполне хватит, сэр.

— Нет. Не вполне. Я хочу собрать всех молокососов, — повернулся к нему Кочински. — И левое крыло зовите.

— Так ведь ещё...

— Чёрт возьми, Дарт, делайте, что я сказал! Поднимите этих лодырей и притащите каждого!

— Слушаюсь, сэр.

Пока Дарт с собачьей преданностью получал тумачи от начальства, я взглянул на третьего человека. Отец Лерри, подумал я, в своём подряснике и с птичьим лицом здорово походит на измождённого ястреба, рыщущего в поисках пищи. Если бы я не был атеистом, к этому типу я бы свой зад раскаиваться не приташил.

Несложно было догадаться, для чего Кочински ходил за священником. В начале первого семестра отец Лерри уже промывал скрупулёзно наши мозги своими еkkлезиастическими откровениями. Как мантру, мы должны были помнить о великом избранничестве и о том, что мы каким-то божеством целованы.

Должны были, но никто не помнил ни слова. В отличие от него, мы-то прекрасно знали, что не божество, а отцы платили за наше частное обучение. И хорошо платили. Откровенно говоря, столько, что за эти деньги бордель нам полагался прямо в здании университета, где-нибудь между столовой и кабинетом биологии. Чтобы не изнурять воздержанием наши молодые организмы. Даже в войну, рассказывал отец, батальону выдавали презервативы — по два в неделю на каждого бойца.

— А говорили, не попадёмся, — сказал Джо, когда чёрный триумвират двинулся прочь.

Тео сверкнул глазами.

— Иди проплачься! — сплюнул он, отшвырнув недокуренную сигарету на сырую землю. — За мной!

Его верный громила Гарри глянул на окурок с досадой. Гарри уродлив до боли в глазах. Рондо Хэттон¹, уверен, и тот был красивее. Но прыщи, огромная челюсть верзилы, узкий лоб и острая макушка на лысеющей в восемнадцать лет голове — ничто по сравнению с тем, как разило от этого субъекта.

Однажды декабрьской ночью мы прокрались в комнату Тео и Гарри. Те были в отключке благодаря Питеру и снотворному, которое он стащил из медпункта и обманым манёвром подсыпал им во время ужина. Вчетвером мы вынесли огромную тушу Гарри в коридор, дотащили до душевой и уложили на холодный кафель. Вылили на тело два флакона мыла Cargo, баночная этикетка обещала подарить свежесть семи морей. Оттёрли его щётками для обуви и обдали горячей водой. Восставший из сна и тропической пенной свежести, Гарри пообещал разделаться с нами и свернуть наши поганые шеи. Зато весь следующий день мы наслаждались свежестью семи морей. Она шекотала ноздри всех без исключения в аудитории. Над проделкой смеялся даже Тео, а его смеху Гарри препятствовать не осмеливался, и шеи наши поганые остались целыми.

Глава 2

ПАРФЯНСКАЯ СТРЕЛА

Пока в главной аудитории нарастал галдёж, мы с Питером сидели в последнем ряду и обсуждали, какой захват в регби менее травматичен и более продуктивен — верхний или

¹ Американский киноактёр и журналист (1894—1946). Заболевание акромегалия, проявившееся в зрелом возрасте, изуродовало его лицо, из-за чего он получил прозвище «самый уродливый киноактёр».

средний. С нижним всё понятно — в нас обоих по шести футов росту, поэтому нижний нам не удался.

— Важен вес, — настаивал Питер. — Сто пятьдесят пять фунтов — идеально для среднего. И мало для верхнего.

— Теоретически — да, — сказал я. — Но при наличии воли к победе вес можно заменить скоростью.

— Всё равно, проблема в реальности — слишком большой разброс по весу. Мы почему с тобой укладываем друг друга и верхним, и средним — мы одинаковой комплекции. А возьми хрюшку Мэтью — его же только нижним!

Я мрачно кивнул:

— Тому проще капкан выставить.

Питер рассмеялся. Спелая рожь, спадавшая с его головы, здорово перекликалась с утренними солнечными лучами. Этот свет через исполинские витражные окна наполнил залу майским золотом.

Мы с Питером играем на позициях столбов¹. Питер — левый открытый, я — правый закрытый. Ирония жизни в том, что даже вне регби Питер — открытый, а я — закрытый. Он — лучезарный парень с красивой улыбкой. Вдобавок талантливый актёр; у него — заслуженное право первой руки в выборе себе ролей. Разумеется, в очереди после Тео.

Что до меня, я — как запертая красивая дубовая дверь в мрачном коридоре. Всех привлекает, но ключ подобрать ни у кого не выходит. Я сам не открывал её лет десять. Да и затея, в общем, заранее провальная — ключ я давно посеял, кажется, как раз когда война началась. Что-то во мне тогда сломалось. Как будто не по той дороге пошёл, и дальше только мрачнее и мрачнее. Эффект снежного кома.

Я ухмыльнулся, заведя входящего Мэтью. Его, как и остальных, вытащили из койки. Зрелище то ещё: красные, налитые, как помидоры, щёки подпирали круглые очки, рыжие волосы смяты в плохо пропечённый пудинг, ночная сорочка

¹ В регби игроки первой линии нападающих.

задралась на толстом пузе, её без конца и тщетно оправляли отёкшие рыхлые ручки. Натуральный Билли Бантер¹.

Мэтью прошёл вперёд к зубрилам из левого крыла. Казалось, его сейчас одышка одолеет (вначале — спуск со второго этажа в тридцать три ступени, затем длинный коридор, да ещё люцифер Дарт подгоняет), и он разляжется на столе, как это обычно у него происходит по дороге из раздевалки до зрительской скамьи.

В середине аудитории расположился пуп земли Тео, его свита опустилась рядом. Показался Дарт и с ним последняя партия баранов. Наконец, двери в загон были закрыты, сие пафосное действие произвёл сам Милек Кочински. Отец Лерри и Дарт среди прочих преподавателей расположились позади кафедры. Питер украдкой указал на колени Дарта — они сомкнулись с девичьей стыдливостью. Мы оба негромко посмеялись.

Кочински прошёлся глазами по головам присутствующих. Вроде бы количество его устроило.

Сидевший перед нами Джо обернулся.

— Нас отчислят? — тревожно спросил он.

Мы с Питером ухмыльнулись.

— Это вряд ли. Коней с золотыми шарами на переправе не меняют, — обрисовал положение дел Питер.

— Не знаю. Экзамены скоро. Могут не допустить.

Я с сожалением взглянул на продолговатое нетронутое земными радостями лицо Джо. Этот тип с торчащим из башки тёмным ёжиком и сильным сассекским акцентом не отличался уверенностью ни в регби — ни одного типично вингерского² синяка на теле, — ни в планах на будущее. Я слышал, что его отец — из лидеров партии консерваторов. Уныние, одним словом.

¹ Вымышленный школьник-антигерой, созданный английским писателем Чарльзом Гамильтоном (1876—1961).

² В и н г е р — крайний защитник в регби.

Впервые за год учёбы вчера нам с Питером удалось вытащить Джо на танцы. Решили делать из него человека. Приготовили ему заранее подружку. Что он с ней будет делать, думали мы, не наши проблемы. Нас до жути раздражала робость Джо, и мы просто хотели дать ему шанс. Кстати, надо будет поинтересоваться, чем дело-то у них кончилось с барышней. Парень, в общем, славный, но как ни взглянешь — сплошной тростник на ветру, сидит себе в пепле между табуретами¹, носа не высунет. В одном не откажешь — бегал хорошо. Оттого сразу попал в вингеры.

Я даже не заметил, как Кочински приступил к ораторству. Общая лабуда: о престиже университета, об угрозе срыва грантов и прочих финансирований со стороны главы региона, о подрыве репутации всех — его, Кочински, его отца и деда, и деда его деда, и деда прадеда, построившего и открывшего Роданфорд триста или четыреста, или тысячу лет тому назад. А ещё — преподавателей, других студентов, прочих работников, уборщика Секвойи, лесника и его собаки и всего графства, в конце-то концов. Там и до короля недалеко.

Мы перешёптывались, вполуха внимая сыпавшимся словам. На аудиторию помаленьку накатывал баюкающий гомон. Милек Кочински возглавил ректорат только в прошлом году, когда у его отца случился инсульт, но уже успел заработать среди учащихся и преподавателей репутацию рохли. Даже мы, первокурсники, не воспринимали его всерьёз. Особенно не воспринимал его собственный сын, но оно и понятно было. Род Кочински веками передавал следующему поколению место у штурвала, и Тео — следующий после Милека — этим страшно кичился. Удивительно, но ни разу главой Роданфорда не становилась женщина.

При умирающем, но ещё официально действующем ректоре-отце Милек Кочински пребывал на своей должности,

¹ Сидеть в пепле между табуретами — быть слишком нерешительным (старинная фламандская поговорка).

как меж двух огней. Он нёс ответственность за положение в университете, но серьёзных решений не имел права принимать. Мы были слышаны о его отце-тиране и его деспотических методах воспитания. Задница начинает болеть от одной только мысли...

Нам повезло. Наш Джон Кит¹ оказался слабаком. Я даже помню пассаж из учебника по психологии — кто-то из парней меня в него ткнул, — яснее ясного разъяснявший типаж Милека Кочински. Там утверждалось, что подобным типам со слабой психикой, выдвинутым на ответственные должности, свойственно поведение, которое у собак называют трусливо-агрессивным, а у людей — защитной агрессией. Они боятся любой критики в свой адрес или неподчинения и в ответ демонстрируют властность и агрессию. Что-то вроде «не смей царапать мой постамент». С теми же, кто обладает большей властью, они покорны и уступчивы. Но на чрезмерное давление в силу неустойчивости психики могут ответить взрывом.

Завладев такой ценной информацией где-то к Рождеству, мы распоясались, стали давить, но в меру. Взрыва ещё ни разу не случилось.

Когда неумолчные потоки нравоучений были прерваны желанием Кочински глотнуть воды, Мэтью с первого ряда издал удивлённый взвизг:

— А что мы сделали?

По залу прошёл звонкий хохот.

Дарт подскочил:

— *Silentium*²!

Но униматься никто и не думал. Действительно ведь смешно. Настолько, что Тео снял ботинок и запустил им по слипшейся каше волос вопрошавшего. Точное попадание. У хрюшки на плечи метелью посыпалась перхоть. Отшвыр-

¹ Бывший директор Итонского колледжа (1773—1852).

² Тишина! (*лат.*).

нув ботинок в сторону кафедры, Мэтью развернулся и подскочил. Жалкая была сцена, хотелось даже заступиться, но было бы глупо и для Мэтью ещё более унизительно.

— Чей это ботинок? — голос его старался звучать грозно, но вышло вновь визгливо, по-поросячьи.

— Твоей мамыши, — парировал Тео.

Вновь гогот. Оскорблённый в одночасье кинулся перелезать через столы, а жаждущие мордобоя принялись скандировать хрюшино имя. Всех пробило на смех, когда поросянок, растеряв силы уже на втором препятствии, застрял и остался барахтаться на пузе.

Положение омрачилось внезапной одышкой и резко обрушившейся тишиной, когда перед Мэтью во весь свой огромный рост встал Гарри. Ноги Тео в этот момент — одна разутая, другая в ботинке — расслабленно лежали на столе.

— За вторым лезешь? На твои копыта не по размеру. Могу предложить свои — запах натуральной кожи! — угрожающе протянул Гарри.

Всем было понятно, ботинки Гарри — худшее в жизни предложение. Казалось, Мэтью вот-вот лопнет; его щёки были пунцовыми, а из горла вырывался хрип.

Раздался внезапный сильный удар — отец Лерри стукнул ботинком Тео о кафедру.

— Прошу всех занять свои места, — негромко сказал он. — Я отниму немного времени.

Он положил ботинок рядом с потрёпанным томиком Библии и чуть погодя добавил:

— Чтобы понять смысл, что стоит за именем Иезавель¹, не нужно много времени и много мозгов. Верно, Гарри?

Последовал хохот, и только Гарри не понял, при чём тут он.

¹ В Библии жена израильского царя Ахава, ярая идолопоклонница. Имя Иезавели стало нарицательным для порочных женщин — гордых, властолюбивых и тщеславных, богоотступниц.

Отец Лерри был не лишён юмора. Хотя я священников на дух не переношу, приставленному к нам святоше отдаю должное: он не втаптывал нас в грязь, как это, к примеру, делал Дарт. Капал в уши помаленьку, да, но всегда оставался где-то посередине противостояния нашей студенческой братии и руководства университета как посредник или даже миротворец, утешающий, вразумляющий, наставляющий и всё понимающий.

Сейчас, впрочем, всё это нагоняло тоску. Мне до смерти хотелось спать. Я зевнул.

— Сердце Иезавель, — проникновенно продолжил священник, — было отравлено чёрной завистью. К тем, у кого был дом, к тем, у кого был сад и были вскопаны поля, у кого был друг, у кого был верный супруг, у кого были дети...

— Ну всё, крыша в приходе поехала, — хмыкнул Питер.

— Иезавель не могла иметь всего этого, ведь для того, чтобы быть счастливым, требуется открытое сердце. И тогда Иезавель решила, что будет причинять боль, что будет она сеять семя зла и наблюдать, как бесчестные её действия приносят свои отравленные плоды...

По рядам ходило гулкое перешёптывание вперемешку со смешками.

— ...и тогда в порочных целях своих принялась она использовать своё тело. Грязное, бесстыдное, бездушное, исполозованное внутренними шрамами, обезображенное безнравственными мыслями и желаниями...

...Чистое, бледное, в меру стыдливое соблазнительное тело Джульетты всплыло перед моими глазами. Я уже почти спал. Питер меня толкнул, мы переглянулись. Как спать, когда тут отец Лерри сокрушается по наши с Питером не-благочестивые души!

— ...видела она, как Велвл заглядывался на сад Кармита. И пришла она к Велвлу под покровом ночи, и принесла ему своё тело. Велвл поддался искушению, и, когда Иезавель покидала его ложе, она сказала: «Велвл, храбрый сын волка,

ты ведь можешь получить этот сад. Ты обладал женой израильского царя Ахава целую ночь и теперь познал, как сладок запретный плод. Сад, что за окном твоего соседа, прекрасен. И ты можешь им обладать. Для этого тебе только нужно убить Кармита».

Велвл послушался Иезавели, и следующей ночью отправился он к соседу своему Кармиту и нанёс ему удар по голове мельничным жёрновом. Тело Кармита Велвл сбросил с горы, и не узнал никто, что убили Кармита. Посчитал судья так: пренебрёг Кармит осмотрительностью, гуляя ночными кручами и наблюдая обманчивые звёзды, оступился он и упал. Велвл получил прекрасный сад, о котором мечтал, а Иезавель получила то, что хотела, — наслаждение от содеянного греха...

— Вот дрянь! — саркастическим тоном прокомментировал Тео.

Зал вновь разразился смехом.

— Они будут ходить из деревни, юные Иезавели, на территорию Роданфорда, чтобы совращать тела и умы студентов, куда знают они... — Отец Лерри запнулся и проглотил слюну. — Знают, как чисты ваши помыслы и как наивны ваши души.

— И как богаты наши отцы! — подбросил Тео.

Дикий хохот.

Милек Кочински был мертвецки бледен. Дарт привстал и пару раз хлопнул в ладоши, требуя тишины.

Отец Лерри не поднимал глаз от ботинка Тео. Он выждал момент, чтобы заговорить вновь:

— Верно, достопочтенный Теофил Кочински. Вам выпала особая честь находиться под крышей Роданфорда. Я уверен, что вы — все вы, молодые люди, — понимаете степень вашей ответственности. Равно как и степень вашей привилегированности.

Вопль с первых рядов вновь перебил священника:

— Да что мы сделали-то?